

Надежда Бобко

Безмиллие

Магадан
Издательство «Охотник»
2018

ББК 84(2=411.2)6-5

Предисловие
Галина Склейнис

Художник
Анна Изергина

Бобко Н. В.

Б72 Безмилие : [сб. стихов] / Надежда Бобко; Предисл. Г. Склейнис; Худож. А. Изергина. – Магадан : Охотник, 2018. – 148 с.

В книгу магаданской поэтессы Надежды Бобко вошли стихи разных лет. Надежда живет в пос. Ола Магаданской области, стихи пишет с 12 лет. Ее произведения публиковались в ольской районной газете «Рассвет Севера», в сборниках творческого объединения «Ольское ожерелье», в 2016 году у Надежды вышел сборник стихов «Коридоры сердца».

Достоинством Надежды Бобко является умение строить сюжеты, делать неожиданную, эффектную, порой парадоксальную развязку.

Книга стихотворений «Безмилие» делает привычное, обыденное новым не только для автора, но и для читателей. Предельная искренность, неподдельный интерес и любовь к человеку, желание жить и идти навстречу мечте, умение увидеть мир мечты – все это, умноженное на талант поэтессы, делает сборник заметным явлением в нашей поэзии.

Иллюстрации специально для этого издания выполнила замечательный молодой художник Анна Изергина.

ISBN 978-5-906641-41-0

ББК 84(2=411.2)6-5

ISBN 978-5-906641-41-0

© Бобко Н. В., 2018
© Издательство «Охотник», 2018

Сквозь призму поэзии и прозы

В короткой биографии на новый сборник своих стихотворений Надежда Бобко пишет: «...я люблю узнавать что-то новое о жизни, о людях и о себе через призму поэзии и прозы». Мне кажется, что книга стихотворений «Безмилие» делает привычное, обыденное новым не только для *автора*, но и для *читателей*. И то, что книга побуждает увидеть по-новому, *со-пережить*, переоценить привычные вещи (полет на самолете, ожидание на перроне, неожиданный рассвет, скорую разлуку, приметы природы во все времена года), составляет ее главное и самое большое достоинство.

Это таинство происходит непостижимым образом. Сначала испытываешь нечто вроде опасения перед смелостью ассоциаций («стихи – поток. Стихи – глоток. Стихи – стихия. У горла шелковый платок, земной акации листок... из сердца вырванный кусок»). Затем смущает «затемненность» образа («а солнце, как ефрейтор, скакало возле ног»), сложность в понимании природы метафоры. Но очень скоро чувства сменяются приятным погружением в состояние привычности, покоя, комфорта; возникает умение почувствовать ритм жизни и, главное, убежденность в праве автора на самые неожиданные ассоциации. Тем более что среди поэтических образов стихотворений есть самые настоящие находки. Мне запомнилась прежде всего удивительная фраза, авторский афоризм:

*Все расстояния смешны,
Хотя порой горчат.*

К творческим находкам автора отнесем «удар поцелуя», «рюкзак – заплечный малый», «напечатанная со-

весть», «шлю тебе телеграмму (авторский окказионализм от слова «телеграмма») о семантике чувств» и др.

Но дело не только в тропах, порой неожиданных, но никогда не вычурных, а часто изысканных. Достоинством Надежды Бобко является умение тематически подавать материал, строить сюжеты, делать неожиданную, эффектную, порой парадоксальную развязку; назову два самых ярких финала стихотворений: «Рассвет», с наступлением которого «стало совестно», и «Жемчужный снег», волшебным образом преобразивший убогого подъездного кота...

В стихотворении, завершающем цикл «Немного о...», есть такие строки:

*И все не вечно, но бесконечно,
Когда умеешь других любить.*

Я полагаю, что в этом кроется часть ответа на вопрос, почему стихи Надежды так притягательны, почему их хочется перечитывать. Предельная искренность, неподдельный интерес и любовь к человеку, желание жить и идти навстречу мечте, умение увидеть мир мечты – все это, умноженное на большой талант поэтессы, делает сборник заметным явлением в нашей поэзии.

*Галина Склейнис,
доктор филологических наук,
профессор кафедры
русской филологии
и журналистики СВГУ*

О себе

Родилась я в Магаданской области, в небольшом поселке Ола, и с тех пор, как мама в возрасте четырех лет научила меня читать, я полюбила литературу всей своей душой. Чтобы закрепить знания, мама придумала занятную игру, она «забывала» слова на витринах и вывесках, а я ей помогала, со старанием читая вслух каждую сложную букву.

Любознательность рождалась внутри меня на каждом шагу, я читала все подряд, расспрашивала каждую мелочь. Однажды, проходя мимо нашей школы в поселке, я спросила ее: «А что здесь?» На что мама мне ответила: «Вот вырастешь, пойдешь в школу, и тебя там всему научат». Задумавшись на секунду, я сказала: «Нет, я сразу *взамуж* пойду». Довольно часто в детстве я «ходила *взамуж*», наслушавшись этого от нашей соседки сверху. Мне это казалось чем-то важным и значимым, так сказать, вершиной моей жизни, хотя что это на самом деле означает, я не понимала. Любопытство к стихам и стихосложению пришло в 8-летнем возрасте, одним из первых моих «шедевров» был стих о бабушке:

«Здравствуй, бабушка, родная, что-то загрустила ты». И небольшое стихотворение о птичке, которая не знала, зачем она летала: «Птичка Божия не знает, почему она летает...» В итоге несчастное, неразумное (на мой детский взгляд) пернатое узнало, что летает оно для своих деток и носит им в клюве червячков и жучков. Меня всегда влекли просторы в творческих поисках, ощущение полета и километры самых разных ощущений. Я очень люблю фотографировать небо и находить покой в морском ветре, вне зависимости от того, холодный он или теплый. А еще я люблю узнавать что-то новое о жизни, о людях и о себе через призму поэзии и прозы. Это всего лишь я, Надежда Бобко, еще один безымянный листок в книге Вселенной. Добро пожаловать в кладовую моих чувств.

Путь
и шествие

Стихи – поток.
Стихи – глоток.
Стихи – стихия.
У горла шелковый платок,
Земной акации листок
И чье-то имя.
Стихи – моря,
Они горят,
Они смеются.
Цепные стонут якоря,
И плачет небо/время/я,
И льются, льются.
Стихи – весна,
Года без сна,
Любовь и плаха.
Они – жестокая война
Без орденов, за ордена,
И импульс страха.
Стихи – удел,
Обломки стрел.
Душа на вынос.
Какое слово ни надел:
Взлетел, разбился, на расстрел –
Олимп и выброс.
Стихи – поток.
Стихи – глоток.
Стихи – стихия.
У сердца вырванный кусок,
Жизнь – растревоженный челнок,
На плитах имя.

К мечте

Проложен путь, холодит ключицу,
Глотаешь кофе в один присест.
Песок минут бесконечно мчится,
И солнце кожу как будто ест.
Вокзал, автобус – немеют пальцы.
Маршрут сверяешь в десятый раз.
Отставлен страх: «Может, не срываться?»
И гордость в жилы: «Нет, я не пас!»
Толпа и лица как воском литы,
А ты смеешься, хохочешь им.
На мостовой медом пахнут липы.
Навстречу солнцу, о пилигрим!
Играет небо с тобой в шараду,
Лоскутья перьев, как корабли.
Сегодня поезд из сотен радуг,
А завтра крылья и зов вдали.
Не знаешь, сколько пройти-проехать,
Проплыть сумеешь, но в суете,
Ты твердо веришь, что не помеха
Тебе дороги. Идешь к мечте.

Рюкзак – заплечный малый
Подпрыгивает в такт.
В багажник – чемоданы,
Аэропорта знак
Виднеется, а выше
Такая синева,
Что хочется на крыше
Поймать за рукава
Июнь – лукавый ветер.
И спрятать ото всех
Билет. – Ваш рейс отмечен.
Прошу на борт, и... Эх!
Садишься на сиденье
У самого окна.
Какое наслаждение –
Пора, пора, пора!
К мечте лететь навстречу.
– Вам рыбу? – Нет, гуляш!
Укроешь пледом плечи,
А в пальцы карандаш
Возьмешь и лист блокнота
Распишешь до конца.
Обычная суббота
Как радость бубенца.
Полет, храпят соседи,
И турбулентность тут.
Газета (цвета меди).
Проложенный маршрут.
В душе – восторг и планы.
А в сердце – города.
Рюкзак – заплечный малый,
Небесная езда!

Безмилие

Лети, лети через моря.
Через снега лети.
Ищи причалы, якоря
На радужном пути.
Среди полярной тишины
И тундры строй очаг.
Все расстояния смешны,
Хотя порой горчат.
Стремись изведать города,
И мили, и мосты.
Ты наделяешь поезда
Бессмертием мечты.
В аэропортах и депо
Стучит, гремит, зовет.
И бьется сердце молотком,
И плачет, и поет.
В холодном шепоте ночей
И в амплитуде дня
Ты путник мира (свой/ничей),
Открытый для огня.
Лети, лети через века.
О картах говори.
И чествуй землю, облака –
Безмилие дари!

Компас

За нами – солнце в кудрях осины,
В руках – шкатулка и оберег.
И ветер треплет, как парусину,
Соленый, дикий, песчаный брег.
Давай сбежим до границ немира?
Вкусим сполна этот горький шанс?
Упрячем души в цветы жасмина
И сбросим сердца чужой балласт.
Терять осталось, поверь, немного.
Всего-то время, мечты, слова.
Зовет дорога, одна дорога
На влажность улиц. Звенит листва
В каком-то парке, а может, сквере
Щебечут оперу воробьи.
Две чашки чая. И ты уверен
В себе, как небо и журавли.
Давай, смелее! Бежим к рассвету!
Морские чайки и пенный бриз
Готовы встретить – подбрось монету
Наискосок: прямо вверх и вниз.

В ладонях – солнце, луна и звезды.
Корабль жизни меняет курс.
Весь мир для нас, лишь для нас он создан –
Вперед же, пробуй его на вкус!

Станция «Весна»

Я вышла из вагона
На станции «Весна».
В руках – чудес полтонны,
Шесть двадцать на часах.
Играла соло флейта
По клавишам дорог.
А солнце, как ефрейтор,
Скакало возле ног.
Вокзал рекой строптивой
Бежал по плитам дня.
И где-то пахла слива
На рыночных рядах.
Перекликались птицы
У водосточных труб.
Галдящая столица
Касалась алых губ.
И было все в новинку:
И город, и дома.
Река была, как крынка,
Воздушна и бела.
Мосты (почти что кошки)
Свой изгибали хвост.
Я шла, чертя подошвой
Уплывший паровоз.
Смеялась, говорила,
Кивала всем и вся:
Столбу, скамейке, миму.
И арке на осях.
И небу-лейтенанту
С нашивками добра.
Я ела счастья завтрак.
Была весьма бодря.
А горе-чемоданы
С участием небес
Тарасились – так странно,
На этот мой процесс.

Путь и шествие

Я вышла из вагона
На станции «Весна».
В руках – чудес полтонны.
Шесть двадцать на часах.
Играла соло флейта
По клавишам дорог.
А солнце, как ефрейтор,
У сердца било в гонг.

От разлуки до разлуки
Самолетные крыла.
Взгляды. Плечи. Слезы. Руки.
Жизнь – одна. И смерть – одна.
И вокзалов суетливость:
Свист, перрон, толпа и вздох.
Глаз любимых молчаливость,
Слабость сердца, тяжесть ног.
Корабельные закаты,
И рассветов ленный сплин.
На душе узлом – канаты,
И прощанье... Вновь один.
Стук колес. И рельсы, рельсы...
Как тоскливы поезда!
Самолеты, небо, рейсы,
Море, месяцы, года.
И печаль, песок мгновений,
Лаконичный дисбаланс.
Встречи разных поколений,
И разлук немой атлас.
Полугрезы параллелей,
Серпантинов маяки.
Вера в правильность решений
По асфальту каблучки...
От разлуки до разлуки
Самолетные крыла.
Жизнь как встреча: чьи-то руки,
И объятья, и слова.
И до станции конечной
Все успеть, успеть, успеть.
Есть в разлуке бесконечность.
Она – жизнь. Она и смерть.

Я потеряюсь в городе*,
Я потеряюсь в городе,
В забытом Богом городе
Исчезну и упыюсь
Деревьями, домишками,
И кошками, и книжками,
Любимыми коврижками
Преодолею грусть.
Цветными светофорами,
Мечтами, разговорами,
Улыбками за шторами
Запомню каждый день.
И будет все оплачено,
За куртки, джинсы схвачено
И в памяти назначено
На должность «тут сирень».
Я потеряюсь в городе,
Я потеряюсь в городе,
В забытом Богом городе
Однажды на заре.
Наедине с домишками,
И кошками, и книжками,
С любимыми коврижками
Останусь в сентябре...

*Песня

И может, вырастет что-то новое
На календарном узоре дня.
Бери живое и незнакомое
И нанизай на запястье. Я
Ловлю автобус, трамвай на улице,
У тополиных семи дорог.
Меня июнь называет умницей,
Метро пускает на свой порог.
И суетится толпа обыденно –
Она простая, как спелый хлеб.
А я невидима, я невидима,
Мне солнце – Родина и адепт.
Смотри: запястья. Браслеты – бусины
На календарном узоре дня.
Бери живое, родное, грустное
И не забудь прихватить меня.

Май

Май начинается с зелени скатов крыш
И с голубиных крыльев, парящих в небе.
У переулков толпы – людской камыш,
А на дорогах озера белый лебедь.
Руки деревьев тянутся к облакам,
Пахнет звеняще-нежно весенним зноем.
Солнце играет, зайчики тут и там.
Мята, душица в сердце стучат настоем.
На полустанках грозные поезда
Мчатся куда-то к новым, чужим границам.
Ночь, не стихая, щурится в никуда,
Звезды мелькают на полусонных лицах.
Дни по заказу ласковы и чисты.
Дождь-диверсант хитро приходит в гости.
Поле ржаное, словно весны холсты,
Дарит ладоням зерен живые горсти.
Реки и ветры, тропы и нити льна
Душу тревожат, сладостью пахнет вишня.
И у сирени, будто в объятьях сна,
Пять лепестков – чудо, никто не лишней.
Пульс предзакатный лавой струится в кровь.
Ярым фламенко будни несутся к лету.
Ждет ли разлука, дружба или любовь?
Все неизвестно. Время привносит лепту
В мир и округу, даже в тебя. И свет,
Пересекаясь с тьмою в оконной раме,
Пишет о чем-то вневременной портрет,
Без колебаний в дивно-вечерней гамме.
Май начинается с ярких смешков и рук.
Со светофоров и тротуарной речи.
Зимние горы тают внезапно, вдруг,
И наступает эра, когда ты вечен.

Июнь наступал на пятки.
А май уходил в тылы.
Был кофе с утра несладким,
И вязким, как часть хурмы.
Наш мир военкомом смерти
Команду давал на бой.
Мы шли, мы сражались с этим,
Венчая себя с войной.
Венчая супротив правил –
Какой тут церковный храм.
Нас день выживать оставил,
Но вместо ключей дал хлам.
И мы находили выход.
Отмычками рвали дверь.
Наш Бог – это вдох и выдох,
Мы верили. Верь – не верь
В судьбу, доходя до точки.
Сжигали себя в золу.
И были мессией строчки –
Мерилом добру и злу.
Да, кофе горчил на славу.
И свет остывал у глаз.
Июнь наступал, отвагу
Рождая для нас. Для нас.

Ты на свалке двадцать первого
Ищешь выход и пути.
Перьевого, нежно-белого
Не найти.
Обнимаешь копоть сальную
На вокзалах и в метро.
Золотого бы, сусального
Да в нутро.
Роешь недра экскаватором,
Слововесием разишь.
А за пепельным экватором
Только тишь.
Как стрижи летят бессмысленно
В заграничные бистро.
Человек живет двусмысленно
И хитро.
Тут духи и платья бальные,
Красота среди зеркал.
Все гламурные, журнальные –
Каждый мал.
Гордецов вокруг немерено,
Сколько веку ни цвести,
Но на свалках двадцать первого
Перьевого, нежно-белого
Не найти.

Перрон

Постой на перроне,
Послушай часы.
Остались в вагоне
Забывтые сны
Людей – многоточий.
Их сумрачный вдох.
Мир пастырь и зодчий,
Создатель дорог
Когда-то представил –
Вокзал это смерть.
И лица заставил
На горе смотреть.
На встречи-прощанья,
Гудки поездов.
Звучат обещанья,
Но молча, без слов.
И тешится сердце
В ловушке минут:
«Согреться, согреться...»
А рейсы идут
Безжалостным строем,
Пощады не жди.
Ты временем скроен
И любишь дожди
За то, что за ними
Не видно слезы.
Закончатся «были»,
И чувства язык
Замрет на перроне,
И кончится май.
В последнем вагоне
Прощай/не прощай.

А все на деле довольно просто:
Дороги, рельсы и чей-то остров,
Вокзалы, мили и перекресток.
И путь, да было б куда идти.
Навстречу солнцу, дождю, капели,
Чтобы синицы на ветках пели,
Через границы, через метели –
И не сдаваться на полпути.
Канавы, тропы, шоссе и ветер,
И небо алое на рассвете,
И горы, грозы – землистый пепел,
Иди, смелее, пора начать!
Пора открыться, поверить в чудо,
Смеяться солнцу, его этюду.
Сказать: «Я этого не забуду,
И как же можно вот так скучать?»
А все, ты знаешь, довольно просто:
Рука, улыбка, знакомый остров.
В груди надежды пьянящий остов.
И путь... есть сила к нему идти?

Дом

Свой дом ношу всегда с собой:
Кровать, сервизы, плед.
Иду по миру-мостовой,
Встречая дождь, рассвет.
Рюкзак заполнен: книги, чай
И плюшевый енот.
Мне столько хочется встречать
И записать в блокнот!
Машины, краски, маяки,
Морскую гладь-винил.
Как на причале рыбаки
Штурмуют мягкий ил.
И бьет баклуши синий кит,
Разбрызгивая день.
А солнце с хитрецей глядит
На белую сирень.
Пою на лестнице, у стен.
Вдыхаю, верю, жду
Горячий ветер перемен
И летнюю звезду.
Бегу и падаю в песок.
Иду на бордаж.
А горы тянут на восток,
И небо, как витраж,
Играет радужным «Ура!»,
И я ему пою.
Я писк простого комара,
Но мир боготворю.
В карманах лютик полевой.
В карманах ни гроша.
Свой дом ношу всегда с собой,
А дом – моя душа.

Аэропорту Сокол

Подо мной облака,
Надо мной синева.
Улетаю, пока,
Сокол, встретимся, да?
Самолет, полоса,
И турбины рычат.
Я как будто оса,
Путь мой только зачат.
Для чего, не понять.
Для какой новизны?
Никогда не узнать
Эти сны, эти сны
О тебе, обо мне.
О свободе небес.
А в овальном окне
Видно сопки и лес.
Самолет, полоса,
И турбины рычат.
Я приеду назад,
Путь мой только зачат.

Птицы неба

Мы свободные птицы неба,
Нам Господь завещал быть птицей.
Во дворах расцветает верба
Золотистой танцовщицей.
И влечет к небесам знакомым
Наши души – они богатство.
Облака хороводом томным
Проплывают. Зефира братство
Над полями, мостами. В храмы
Янтарем проникает солнце.
Мы по кругу проходим драмы –
Жизнь вращается и смеется
Как девчонка. На рынке вишню
Продает за гроши-монеты.
– Вам послаще? С кислинкой лишней?
Или горя на грамм планеты?
Неудачи, такой, что с хлебом
Не проглотить. Берите, ну же!
Покупаешь, идешь за небом,
Потому что ты небу нужен.
Но, взлетев, упадешь страницей
В чернозем. По законам века.
Нам господь завещал быть птицей,
Только сделал нас человеком.

Приеду когда-то
Туда, где Арбата,
Живого Арбата
Стучат каблуки.
Приду в понедельник с душою-каратом,
И сяду на землю у белой реки,
Вдыхая надежды
И лица, одежды,
Как раньше, как прежде,
Округой дыша.
Столкнутся улыбки на части проезжей,
И сделает время продуманный шаг
В неназванный город –
Он стар или молод.
Он жизнью распорот
И заново сшит.
Приеду когда-то к тому, кто мне дорог,
С обычным подарком, с каратом души.

Чудак-июнь

Для него ничего не свято.
Мир оглохший впечатан в пропасть.
В зиму было немало святок,
И снега отдавали власть.
И казалось, идем сквозь бури
По безвьюжным полям глазури.
На небесно-живой лазури
Улыбались лишь птицы нам.
А метель бушевала в скерцо,
И отравой питалось сердце.
Мы писали всегда «silencio»*,
Выпивали любви бальзам.
В феврале просыпались бусы,
Чувств погрешных смешные вкусы.
И ты был бесконечно русский –
Видел песни и слышал сны.
Я же просто писала строки,
Забывая тоски уроки.
День по Цельсию одинокий,
Ночь ждала теплый бриз весны.
Март пришел с неохотой, помню,
И прохладной своей ладонью
Гладил руки мои, а бойню
Я оставила за чертой.
Ты чуть кашлял, а не смеялся,
Был простужен и вскользь пытался
Передумать, опять прощался...
Находил и терял покой.
У апреля (забавный малый)
Контур глаз был немного шальной.
Он волшебник чудес усталый,
Расхождения господин.

*silencio – тишина (лат).

Мы играли, актеры будто,
По маршруткам и поминутно,
Время было каким-то бунтом,
Что по сути всегда один.
Май дороги украсил цветом,
Видишь, солнце манит приветом?
И трава задышала летом,
Где-то прячется час-латунь.
Мир забудет о нас когда-то.
Для него ничего не свято.
Только чем-то душа объята...
Наступает чудак-июнь.

Измайловский вернисаж

Субботний полдень горяч и свеж.
Я вижу время среди одежд.
Рядов и бусин живой мятеж
Играет соло.
Торгует разный: и стар, и млад.
Тут каждый фантик на деле клад.
Делись и смейся, будь сердцем рад
И верой скован.
Ряды, навесы и звон монет.
Сегодня слышишь, а завтра нет.
Лови удачу, лови момент,
Как ветер странствий.
Перерождайся и помни день,
Многоголосье уходит в тень.
А в паре рядом цветет сирень,
И это счастье.

Миг надежды

А мне сегодня приснился Питер.
Слегка сутулый, больной слегка.
Он был одет в белоснежный свитер,
Смотрел, чихая, на облака.
В потертых джинсах и серых кедах
Шагал игриво, вприпрыжку он.
В руках подснежник, косички в дредах,
Глаза-озера, чуть-чуть смешон.
Или наивен? Да кто же знает?
Суров для вида, едва-едва.
Шальной, веселый, людей терзает
И прячет сумерки в рукава.
Лукав немного, печален тоже.
Красив прохладой жемчужных дней.
Он шел навстречу ко мне, быть может,
Свистел пичугам, как соловей.
А снег все таял, и ветви гнулись
Под грузом почек, пришла весна.
Но пробужденья лучи коснулись,
Некстати вырвав меня из сна.
Я помню Питер, его дыханье.
Душе и сердцу он вечно мил.
Не состоялось наше свиданье,
Но миг надежды он подарил.

На Киевском вокзале*
Живет душа-печаль.
Летят синицы стаей,
И нам до боли жаль
Объятий молчаливых
У городских часов.
Простимся ночью, милый,
На рельсах наших снов.
И выстрелим надеждой
В пустые города.
Держу за руки нежно,
Но в сердце поезда.

Мы прощаемся, чтобы встретиться,
Мы прощаемся, чтобы жить.
Небо летнее душам грезится,
Время хочется изменить.

Гудки звучат упрямо,
Дрожит луна у глаз.
А губы неустанно
Читают облик фраз
На стенах горькой доли
И в суете минут.
Молчим и просим «помни»,
А люди подождут.
И верится немного,
И любится как встарь.
Ах, попросить бы Бога
И обнулить печаль.

Мы прощаемся, чтобы встретиться,
Мы прощаемся, чтобы жить.
Небо летнее душам грезится,
Время хочется изменить.

*Песня

Путь и шествие

На Киевском вокзале
Воспоминаний рок.
Летят билеты стаей
И прячутся у ног.
Объятия надежды
У городских часов
Так обреченно нежны
На рельсах серых снов.

Мы прощаемся, чтобы встретиться.
Мы прощаемся, чтобы жить.
Небо летнее душам грезится,
Время хочется изменить.

Храм

Храм неизведанный, сердце мое без памяти.
Я ли, проклятая, выжжена и низвергнута?
Просто люби меня – мастер, учитель, памятник.
Чем-то похожим: травами, солнцем, вермутом.
Просто люби меня – нежно, порой неистово.
Одушевленным вдохом на серой площади.
Сколько в объятии доброго, слышишь? Чистого.
Невероятного. Я преклоняюсь, Господи,
Небу живому. Сердце мое без памяти.
Я ли, обычная, к звездам взлетаю беркутом?
Просто люби меня, город – петровский памятник,
Чем-то похожим: травами, солнцем, вермутом.

Путь и шествие

Воды Финского сердце манят,
Я хочу быть твоей Невой.
Твои ночи меня дурманят,
Питер, пой свою песню, пой...

Передел

Переделанный полдень.
Переделанный час.
Замечали – Господен
Этот город для нас.
Под цветущей оливой
Он был небом храним.
Приходили незримо
В город Иерусалим.
И молились при свете,
Не вставая с колен.
Бог измученных метил
И дарил гобелен
Из надежды и веры,
Как сусальный платок.
Разрушались барьеры
О молитвы поток.
Наступало иное,
Для всего передел.
Неземное, земное –
Каждый счастья хотел.

Хабаровску

На Амуре себя отыскать к закату.
Потеряться у берега до конца.
Полюбить пешехода, увидеть карту,
У деревьев заметить узор лица.
Выпить квас, золотые глотая капли,
Беззаботно смеясь на утесе лет.
Я сегодня чудака, я немного Чаплин,
Подарить вам в кулечке драже-конфет?
Или мы потанцуем ладонь к ладони?
Белый танец всерьез предлагаю я!
День по виду живучий, как пес-разбойник,
Мы с ним будем сегодня навек друзья.
Посидим, потолкуем, читая «Вести».
Повздыхаем о мире (порочен мир!).
Мое сердце стучит – сто ударов, двести,
А душа растекается, как пломбир,
По дорожкам, бульварам. В тенистой чаще
Шепот ночи меня за собой манит.
Привлекает на сторону (хитрый ящер!),
Говорит со мной стенами, говорит
Обо всем: что мечтаю, желаю видеть.
Я не знаю, надолго ли мой круиз.
Поутру мое солнце на небо выйдет,
На Амурском утесе встречая бриз.

Дорожное

Все по порядку: музыка, тетрадь.
Крючки нот в корзинке из-под пряжи.
Я не хочу сегодня долго спать –
Ночь не моя. Как месяц напوماжен
Холодным светом. Звезды-маяки
На небосводе выстроились в схемы.
Ждет самолет – крылатый синий кит –
Мое «привет». Какие теоремы
Возможно знать? В грядущем много «не...».
Сто аксиом на лацкане пижамы.
Сию сама с собой наедине
И собираю тихо чемоданы.

За горизонтом трава и хвоя,
Оленьих стойбищ живая цепь.
А в чашке плещет и пахнет море,
И в небо хочется улететь.
Подобно чайке, летать, на волны
Бросаться смело в девятый вал.
Мир за порогом такой огромный,
И солнце греет у острых скал.
Беги, срывайся, пакуй монеты,
Для дальних странствий черти пути.
Сегодня Дрезден, а завтра где ты?
Не прячься в кокон среди рутин.
Не прячься! Сердцу нужны просторы:
И плиты Рима, и мягкость мха.
Все окна настезь! Долой все шторы!
За поворотом растет ольха.
И расплетает косу девчонка
В альпийских храмах, любя покой.
Мир – негативная киноплёнка,
Но ты на месте не стой, не стой!
Жизнь раскрывается спозаранку:
Вчера ущелье и Эверест.
Возьми монеты, мечту-приманку
И отправляйся – тут много мест.

На гребне
КОЛЫМЫ

Плетение

Расплетаются города,
Распадаются невода.
Я не плачу, как тот палач.
Я фонарщик слепых удач.
Так проста, что не взять, не сбить.
Моей нежности не сгубить.
Неподкупна, светла, чиста
Отрешенная простота.
Мне ли плакать и мне ли петь?
До конца, до зари гореть?
Отпускаю, кричу, лечу.
Мне ли жертве и палачу
Распадаться на сотни лиц,
Замечать в себе грех цариц?
Расплетаются города,
Неизвестно к кому, куда...

Город северный
Ходит по миру
И в миру.
Он затерянный,
Не потерянный
На ветру.
Сопки в инее,
Небо синее.
И тайга.
Четкой линией,
Четкой линией
Берега
Обозначены
И прописаны
В теле карт.
Предназначены
И расписаны
Видеть март
На обочинах,
На тропиночках
Каждый день.
Город северный
На картиночке,
Как олень.

Дороги Севера

Расстилаются милями дымными
Серпантины дорог нехоженных.
Здесь когда-то с тобой погибли мы –
У деревьев корявых сложены.
И во мху наши кости спрятаны,
Омывают нас воды Севера.
Истлевают кресты – уплата нам...
Позабывтые так безвременно.
Во сырой земле мы отвержены.
Запятнали нас «люди добрые».
Под таежным лучом повержены,
Наши мысли чужие, гордые.
Да не знать им такой же горести
На окраинах недоверия.
В нашей бедной, несчастной повести
Были пропасти отчуждения.
Не страдать им в морозной ярости,
В зыбкой вере не быть помазанным.
Мы с тобой не подали слабости –
Убиенные безнаказанно.
Расстилаются милями дымными
Серпантины дорог на Севере.
Здесь когда-то с тобой погибли мы –
На колымском далеком берегу...

Я пью весну
С размахом водки.
И на блесну
В скорлупке-лодке
Ловлю лосося, не спрося
Себя, а нужен он мне. Я
Беру его – он еле дышит.
Мой человеческий рыбьим слышит?
Не знаю. Шепот над рекой:
«Я отпущу тебя домой».
И кто-то выпустит, отпустит
Меня из плена этой грусти,
Где я наживка для блесны.
Плыви, хвостатый, до сестры.
До братьев, дедов, до родни,
Им там по-рыбьи говори,
Что я рыбак, что я дурак.
Что я потушенный маяк.
И нужно только разгореться,
Золу мою разворошить...
Я утопил в пучине сердце,
Где леской новое пришить?

На гребне Колымы

Алмазная дымка, и я, словно льдинка,
Плыву в океане небес.
Закончусь однажды, и кто-то, неважно,
Омоет слезами мой крест.

На гребне Колымы

И море билось о причалы лет.
Происходили беды от побед.
Победы рвали душу пополам.
Гордыня шила жизни серый хлам.
Бежали годы, было не с руки
Делить слова и письма на куски.
Дарить любовь тайге или росе.
И отмывать поступки на косе.
Хотелось солнце выпить, как нектар.
И сердцу – мая. А ладоням – дар.
Глазам – улыбки. И покой душе.
Но не случалось сто веков уже
Любви-зарницы: «Ты дороже всех».
И: «Я люблю тебя, прости мне грех».
Объятий леса было много так,
Что отбивало время быстрый такт.
И боль была почти немогоду,
И познавало тело пустоту.
И отрицало нежность у рябин –
Когда нет веры, с горем ты один.
На пепелище были тропы ран.
И каждый вдох был зван или не зван.
И каждый всхлип вбивал под вены дрожь.
Кричали чайки: «Обними! Не трожь!»
И: «Обмани! И будь со мною, будь!»
Прилив молчал и не давал уснуть.
А слезы жгли каленой кочергой,
И было страшно от тоски немой.
Дом обнажал остовы до кости.
Гремело эхо: «Ты меня прости».
Горело небо, сопки, тундра, год.
Душило горе онемевший рот.

На гребне Колымы

Душили пальцы веер из надежд.
День распадался между вех-невежд.
Плескалась нерпа, волк добычу ел,
А мы страдали в трюмах своих тел.
А мы любили и прощали, но
Напоминало время нам кино.
Напоминало пустошь без тепла,
И жизнь рекой текла, текла, текла...
А вечность билась о причалы лет.
Менять хотелось беды на билет.
И оставаться вместе, словно львы,
На гребне у морозной Колымы.

Голые

Все знамена, да чаще рваные.
Все привычки, да чаще полые.
Города прорастают ранами.
Мы одетые, только голые.
Отпускаем себя на улицы.
Как собак, отпускаем с привязи.
Небо хмурится, людям хмурится...
Мы не витязи, мы не витязи.
Притяжение – отречение,
По телам аксиомы повода.
Непрощенное воскресение
В тени города, в тени города.
Искорежены, перемолоты,
В землю крошевом, пылью высланы.
Изувечены болью-молотом,
Небом высланы, небом высланы.
А кресты да огрызком времени
Вдоль дорог занимают площади.
Мы дикарского роду-племени.
Где ты, Господи? Где ты, Господи?

Все знамена, да чаще рваные.
Все привычки, да чаще полые.
Города обрастают ранами.
Мы одетые, духом голые.

Мой Магадан

Мой Магадан! Колымы запоздавшая оттепель.
Мы сегодня с тобой прогуляемся до мостовой.
Фонарей листопад разделяет тоску мою, что теперь?
И нагаевский бриз сторожит ее, как постовой.
На домах провода натянулись гитарными струнами.
Воробьи хулиганят под каплями злого дождя.
Я шагаю опять по асфальту ночами безлунными
И стираю себя, белой памятью вдаль уходя.
Пролетают огни над суровой тайгой самолетные.
Мерным рокотом в небе стальные звучат голоса.
Терпкой хвоей наполнены грезы твои мимолетные,
И туманы влекут окунуться в родные глаза.
Что-то шепчут дома, ты же слышишь, мой город задумчивый?
Приседает капель на оконца и на тротуар.
Перекрестки пьяны, и рябины смеются уступчиво –
Очарованно пьют легкомыслие, словно нектар.
Мой Магадан! Дружелюбный товарищ серебряный.
Обними же меня! Мы с тобою давай помолчим.
Море плещет о льды. Как душа моя, вечер безветренный,
И у сердца любовь расцветает в озябшей ночи.

Проходим Рубикон. Ломаем постулаты.
На мельнице судьбы переживаем дни.
Мы донкихоты лет, свободами богаты,
Мы тонем, но ведем до бухты корабли.
Случается, зима врывается, как гостья,
И душит листопад осенними «прощай».
С чужими холодны, опасны, словно гроздь
Смертельного свинца. Нас трудно укрощать.
Мы ветры и шторма, разбитые о скалы.
Мы маршалы судьбы с нашивками небес.
Находим города и летние причалы
И учимся любить нешуточный прогресс.
Взрослеем через смех (болезненно-прогорклый).
По-юному чисты, по-новому сильны.
Ржавеет в пальцах хлеб. Как счастье, оно горько,
А мы идем на штурм обманчивой весны,
Сражаясь за себя. Голодных или сытых.
Ступаем через боль на хрупкие мосты.
Проходим Рубикон и сеем жизнь сквозь сито,
И на земле растут кровавые цветы.

Ра

Подай ответ мне, не томи,
Мой желтоглазый Ра!
Куда уходят корабли
До самого утра?
Куда бросают якоря,
По ветру ставя нос?
Где те широты и края,
Что чествует матрос?
Им гладь соленая – нектар.
Им бури – нипочем.
В порту безликая Иштар
Целует их плечо.
И обнимает пенный бриз
Натруженную плоть.
–Давай, на весла! – слышен свист.
Им Посейдон – Господь.
Рази ответом раз за раз,
Небесный адмирал!
Они извели проказ,
И каждый умирал
В поту, с червями и один,
Без исповедных мук.
Ах, сколько непокорных спин
Согнулись. За недуг
Платили жизнью. И на корм,
На корм акулам шли!
Когда теряли отчий дом,
Какую боль несли?
Среди жестокости морей
И сыромятных лиц
Их сколько было, кораблей –
Священных и убийц?
Подай ответ мне, неба сын,
Куда мне плыть пора?
Рассвет коснулся полосы,
И улыбнулся Ра.

Дитя земли

В ладонях северного ветра
Дитя земли.
И мир на гранях километра
Уснул в пыли.
Уснул. Под черным покрывалом
Горит звезда.
Где начинается начало,
И где беда?
Не знает город и планета,
Не знает век.
Мир – двусторонняя монета,
И человек
В ладонях северного ветра.
И крик совы.
На перепутье километров
Не мы, не мы.

Поиск себя

Кто выступит во тьме, срываясь робким шагом?
Нарушит эту тишь небесной пустоты?
Прелюдия земле, с песчаным караваном,
Не спится, ты не спишь на гребне высоты,
Заметной по краям лишь призракам и птицам.
Кочевьем белых звезд очерчен этот путь.
Как много журавлям свободы в клетках снится,
На километрах верст из плена не свернуть.
Я вижу то, что есть, простое, как бумага,
Лежащая в руке, сомкнувшейся в кулак.
Небесное не мечь, а отраженье шага,
Идущий налегке земной разбавит мрак.
Кто выступит во тьме незримо и отважно?
Изменит лисий шаг на волчью чистоту?
Горит душа во мне, и это очень страшно,
Как будто темный враг мне выдал наготу
На временный обмен. Владей же, сердцем властвуй
Над горем и в горах, и в море жги костры.
Но эта тайна – плен, она ведет на царство
И порождает страх. Его глаза остры.
Я слышу явь, и навь, и правду междумирья
Глотаю, как нектар, глотаю яды лжи.
И кажется, февраль сошьет мне руки-крылья,
Перенимая дар и возрождая жизнь
На благо ярких звезд, кочевников столетья.
Кто выступит во тьме, преображая шаг?
На километрах верст цветет/горит столетник.
И я иду вперед, и друг себе и враг.

Драконий хвост

Мне помнится трассы драконий хвост.
Речушка, бегущая вдоль тропы.
Холодные сопки – в тайге погост
И запах распахнутой чистоты,
Белеющей рядом. Как будто мать,
Поющая песню в седом платке.
Хотелось ненужное мне отдать,
Знакомое выставив на руке.
И вновь окунуться, и вновь дышать,
Серьезным младенцем познать себя.
Ветра говорили: «Бежать, бежать
К Охотскому морю, его любя,
Пора, дорогая! Иди, спеши
Навстречу незримому! Пей туман!»
И я открывала покров души –
Мне помнились трасса и Магадан.

Когда раздавали счастье,
Мне раздавали страсти
В седьмом уголке Рая,
На первом пути трамвая.
И страсти горели ярко,
И было от них мне жарко.
Толпа молилась на крестик...
А я: «Безумия взвесьте»
Просила, я так просила!
Во мне поднималась сила.
Святые теряли нимбы.
Живые бежали. Им бы
Узнать ту вершину страсти,
Когда ты и Бог, и ластик.
Стиратель, себя творитель,
И мастер, и разрушитель.
Смеялись они, смеялись.
С проблемами целовались.
А я целовала небо,
А я угощала хлебом
В седьмом уголке Рая
С трамваем, депо и сараем.

Колыбельная для города

Спи, мой город, осиянный
Перевязью серебра.
Заплетай свои туманы
О косицы-вечера.
Укрывай дороги тенью
И шагами не стучи.
Горностаевой метелью
Между улиц не ворчи.
Фонарям подай задачу
Осветить углы церквей.
Приголубь людей в придачу,
Им добра в сердца налей.
Будь отцом, а может, сыном
Для озябших и больных.
Не гордись высоким чином
На печальных мостовых.
Посели любви посевы
В перекрестках у рябин.
Дочерям библейской Евы
Подари небесный клин.
Пой о звездах до рассвета.
До утра об этом пой.
Обещай, что будет лето,
Обнимай своей рукой.
Засыпай котом на крыше.
Воробьями у перил.
И дыши, свободой дышишь
Ты, который всех любил.
Спи, мой город, и не бойся.
Я с тобой, в тебе, внутри.
До души моей дотронься.
Спи, мой город, крепко спи.

На гребне Колымы

Папе

Разбегусь и выпрыгну на волю,
Как кометы изумрудный хвост.
Душу всю, таежную, соболью,
Соберу и выставлю на пост.
Послужи лесному и живому
В затененных тропах января.
Говори былому для бывшего,
По звериным тропам букваря
Надевай на лапы снегоступы.
Через мглу срывайся и беги.
Эй, охотник! Обогрей тулупом
И меня для жизни сбереги!
Как зерно и веточку брусники,
Что растет и дышит из земли.
Я – душа, суровый ветер дикий.
Я живу на севере зари.

А в облаке зима

Гляжу, а в облаке зима,
Ссутулив крылья за спиною,
Гудит ветрами дотемна
И крошит снег над мостовою.
И все: горбатые мосты,
И таралетки светофоров
Стоят в обмане чистоты,
А ночь показывает норов.
Кружит, летает во дворах,
Стреляя звездными глазами.
И возникает на губах
Снежинок ласковый розарий.
Вокруг не видно ни души.
Горит свеча в окошке строго.
Мир замечает до вершин,
И растворяется дорога.

Благодать

Вертопрахом бежал февраль –
Не поймать, не щипнуть за нос.
Горы вскрыли снегов эмаль,
Обнажился деревьев торс
В глухолесье. Любить и жить.
Чередую тона земли.
По-цветастому ворожить
Так, как прежние не смогли.
И окуклиться, для небес
Синекрылой зазновой стать.
В сердце почек весенних лес
И безмолвия благодать.

Качели

Подари мне качели
Из ландышей по весне.
Чтобы птицы летели
И стаял последний снег.
Чтобы небо кружилось,
А горести в Лету шли.
Подари эту милость,
Ветреный, для земли.
Подари мне рассветы.
Ясный апрельский звон.
Как случается лето,
Выдумай у окон.
Как подснежные воды
Прячутся, ждут июль.
По заветам природы
Верится. Кот Баюн,
Расскажи свою сказку,
Лапами укачай.
Чтобы время по маслу
Вышло меня встречать.
И стелились поляны
Ландышей в небеса.
Подари мне качели,
Радугу волосам...

Рассвет

Хочу морскую тишину
Заправить в волосы.
Закат рябиновый минул,
Ушел за полосы.
Я помню, свежая тоска
Цвела акацией.
Далекий берег возле скал
Виднелся грацией.
Рассвет наступит через миг.
Немного боязно.
Ответ негаданно настиг.
И стало совестно.

С подснежниками в пальцах.
Скитаться.
Бежать за мальчуганом (южным ветром).
Скучать по лету
И искать тебя
В проснувшейся траве за поворотом,
Себя ни капли не щадя
Стучать в ворота,
Закрытые на зимний шпингалет.
И падать в дождь, как заплутавший кто-то,
Водой смывая ночи трафарет.
Ловить звезду сачком и, обжигаясь,
На раны дуть и сетовать на то,
Что до тебя я не-до-при-ка-са-ла-сь,
И не нашла небесное быстро.
Весной гореть, как божьей богадельней:
Стучать, кричать, сервизы чая бить.
А в мае пахнет негой юный ельник,
И крест на теле, он почти что пленник
Для той свободы. Как тебя любить?
Как правильно? Уставы дай устами.
Снег на земле по-прежнему лежит.
Найду тебя, и кем мы вместе станем?
Весна дает нам право на кредит
На беспроцентный – не возьмет ни цента.
Она сегодня Бог, не гробовщик,
И тает лед на речке, как плацента,
Мы выбираем руки, словно щит.
С подснежниками в пальцах
Нам скитаться.
Среди грозы с улыбкой гордой плыть.
Я так хочу сбываться, не теряться
И жить
Среди ворот открытых и объятий
Переживать моменты дежавю.
Переживать живое, необъятное...
Люблю

На гребне Колымы

Сказать не словом, но поступком
Серьезных глаз, смотрящих на тебя.
Оставить все и, выйдя из маршрутки,
Попасть под поцелуи из дождя.

Ласточка

Боговой ласточкой город свой напиши.
Переплетения, здания, этажи.
Майки балконные, лестницы, шум и гам,
Как расплываются сумерки по углам,
Как кукурузные зернышки тянешь в рот
И занемевшими пальцами бутерброд
Прямо на холоде жадно, открыто ешь,
Много ли, мало ли в сердце твоём надежд?
Боговой ласточкой улицы пролети:
Снасти у берега, лодочки, моряки.
Руки натружены, крепкие, что скала,
И обнаженные, честные, догола
В этой свободности. Лица – июнь-июль.
Сколько ни прожили, сильные, без пилюль.
Могут расправиться, могут и согреть –
Жизнь – путешествие, некогда горевать.
Боговой ласточкой, боговой птицей будь!
Город раскинулся – рвется навстречу грудь.
Переплетения, здания, этажи –
Небо знакомое в крыльях твоих дрожит.

В Магадане

В Магадане море – что бирюза.
В Магадане пристань – что малахит.
Прилетает ветер да на вокзал,
На морской приходит и там сидит.
А вокруг резвится толпа-прилив,
А вокруг истома, веселый пляс.
Якоря, тельняшки и корабли.
И волны охотской суровый лязг.
Разделяет время на «было до».
Разделяет лица на «север-юг».
В Магадане каждый отыщет дом,
На восходе выстелет ветром «друг».
Соберет все небо в свои глаза.
Соберет все солнце и сохранит.
В Магадане море – что бирюза,
В Магадане пристань – что малахит.

Мне снилось небо

Мне снилось небо. Верные стога
Цветных барашков на небесной круче.
И корабли, и мудрая пурга,
И водопад, высокий и могучий.
Мне снился день. Молочный и живой.
Журчащий час, лесная барахолка.
На диком поле громко пел король.
И паутина обрывалась тонко.
Мне снилась ночь. Медовая луна
И бляшки звезд на бархатном мундире.
Была весна в капели влюблена,
Как это было все века и ныне.
Мне снилось небо. Вечность. И семья.
Мне снилось небо. Небу снилась я.

Вселенная

Вселенная пахнет морем.
Вселенная пахнет мглой.
Ах, небо, смотри, какое
Над буйною головой!
Ах звезды, цыганки ночи,
Гадают у синих вод,
Падение дня пророча
И месяца новый восход.
Так ясно читаю это
В мерцании высших сил.
Вселенную под запретом
Мой разум сполна вкусил.
И вышла, и вышла в поле
Босая моя душа.
Весь мир – невода и море,
И вдаль облака спешат...

Счастье

Счастье – воздух животворящий,
Дышишь – значит еще живой.
Ночь, тропа, мотылек парящий,
Волны, рокот, морской прибой.
Счастье – небо, рассвет встающий,
Златом рдеющий стяг из крон.
Русла, реки и хор поющий,
Млечный путь четырех сторон.
Счастье – земли, изгибы, выси,
Горы, кряжи, холмы, поля.
Бухты, отмели, норы лисьи,
Сосны, кедры и тополя.
Счастье – руки, дыханье, голос,
Взгляд, касанье, тепло от слов.
Смех, дрожание, плач и Хронос,
Что пленяет прочней оков.
Счастье – искры, мгновенья, мили,
Версты, встречи, объятья душ.
Час, секунда на жизни ниве,
Вечность, радость, печали стуж.
Счастье – краски, палитра чувства:
Красный, желтый, да спектр любой.
Вязь мелодий, что так искусно
Тихо шепчет, что ты живой.

На моих ладонях

На моих ладонях линии ветвистые,
Нежности фантомы лунно-серебристые.
Тайны мироздания, свечи огорчения
И любви неслышанной яркие свечения.
Топа из сомнения, тракты безусловности,
Трещинки и ниточки ласковой духовности.
Краски музыкальные, ноты молчаливости,
На моих ладонях мила из стыдливости.
А еще закатные неба полыхания
И рассветов истины, тайные желания.
Искры страсти жаркие, звезды полувонкие,
На моих ладонях мысли мои тонкие.
Свежесть родниковая, смеха шаловливости,
И, конечно, облака ангельские милости.
Шрамы недоверия, вера неизменная –
На моих ладонях целая Вселенная.

Говорили у реки
Невпопад и о хорошем.
Снасти грубые узлом завивались возле ног.
Ждал евражка от руки
Аппетитных хлебных крошек.
И кружился, и летал рядом солнечный дымок.
Было нам уютно так
На свободу любоваться.
Есть похлебку из хвостов, угодивших на крючок.
А у неба синий флаг
Отмечал годков по двадцать.
Молодые дураки: сердце – яркий маячок.
Молодые до сих пор
По судьбе мы все ребята.
Моряки соленых волн с океанскою душой.
Не стареем в плене гор
И бетонных постулатов.
Говорили на Земле о хорошем и большом.

Лето – любовь для сердца.
Платьица у берез.
Небо в руках младенца
Синее не всерьез
Пляшет. Задорно. Смело.
Солнце, как Мекка для
Чистых, отважных, белых
В прожиге бытия.
Лето – любовь простая.
Платьица у берез.
В небо взмывает стая,
Чтобы коснуться звезд.

Высокие ели, высокие.
Синева.
Дороги-пути одинокие.
Кружева
На пьльцах распяты. С топотом
Солнце-конь
Галопом летит. С шепотом
На ладонь
Звезда упадет вечером.
Эта ночь
На фоне Пути Млечного.
Страхи прочь.
Глубокие мысли, глубокие
Небеса.
Домишки вокруг светлоокие.
И ты – сам.

Нить

Обрастая любовью, как шелкопряд,
В бездорожье вплетая случайность-нить,
Замечаешь, что солнце творит обряд,
О котором не принято говорить.
Ни словами, ни звуком, тем паче вслух
Запрещается песни о нем слагать.
А иначе проснется небесный дух
И захочет дороге тебя отдать
По крупинкам-пушинкам – ищи-свищи.
Прорастешь подорожником через век.
Бездорожье врывается под плащи,
Оседает на памяти горных рек.
Остается с тобою... не может быть.
Даже слышно, как трудится шелкопряд.
И дорожное сердце свивает нить,
И небесное сердце творит обряд...

Девочка-заря

Аукнулась на поле из пшена,
Рассыпалась веснушками по коже.
В реке лесной была отражена
И затерялась на душистом ложе.
Коснулась крыш, раскрасила асфальт.
Через вокзалы выбежала к морю.
Там наблюдала чаек громкий гвалт
И как приливы мореходам воют.
Была в порту и гостьей, и звездой.
Искала их – мальчишек быстроногих.
Стояла на дубовой мостовой
И освещала город и дороги.
Везде жила и пела о любви,
Как итальянка солнечной столицы.
И слышал песню девочки-зари
Любой из нас, кто открывал границы.

Таежный август

Таежный август приходит в гости
И раскрывает любви букет.
На кочках ягод цветные горсти,
В небесной дымке горит рассвет.
От голубики со вкусом солнца
Синеют пальцы, трепещет дух.
В Охотском море – слеза колодца,
Прозрачный шелест ласкает слух.
У мыса чайки кричат о теле
Могучих гор и туманах дней.
И любит лето тебя скорее,
Как мать лукавых своих детей.
На поле пахнут смолисто стебли.
Багульник в мысли несет покой.
Ты замечаешь лесные степи,
Маслят-мальчишек и хвойный зной.
И принимаешь в себя загадку
Колымской жизни и силу лет.
Таежный август упрячь в тетрадку
И к новой встрече купи билет.

Гром бурчит, и молний всполох
Прорезает небосвод.
На земле зола и порох,
Под землю кровь и пот
Непокорных и горячих,
Говорящих о большом.
Дождь с тенями посудачит,
Потанцует нагишом
Меж берез, в сосновой чаще
Разбежится (словно дичь),
Упадет, замрет пьяняще
На травинках. Не постичь
Этот гром и молний всполох.
На дороге чуда ждешь.
Отогнешь у сердца полог,
И в ладони фыркнет еж.

Яблоко малиновой зари
Во дворе лежало позабытом.
Там стояли доски, крынки, сито
И пустые банки-фонари.
На земле повыцвела трава,
Облака линиялые бежали
В города, которые не ждали
Воскресенья. Неба синева
Танцевала, пела не всерьез
У дверей запущенной калитки.
Собирало лето все пожитки
С белоствольных ласковых берез.
И стоял обычный человек
Во дворе – вся жизнь ему приснилась.
Небеса смотрели из-под век,
Яблоко в ладони устремилось.

Сентябрьское

Сентябрь курит во дворе
И пепел ворошит.
Листва в багрянце на заре
По улицам шуршит.
И водит мальчик хоровод
У яблони и слив.
За оборотом оборот,
Он с августом красив
И неприметен, словно тень
На краешке небес.
Сентябрь курит, день за день,
Прохладой полон лес.
На вышках улиц ряд рябин,
Узорчат в пальцах клен.
На подоконнике люпин
Сонливостью сражен.
А у подъезда детвора
Играет в чехарду.
Сентябрь курит до утра,
И я к нему иду.

Предрасветное

У порога и тишь, и слякоть.
Ступеньки полночью скрипят.
Арбуза вызревшая мякоть
Ложится на стола наряд.
И все живет, до боли живо:
И ночь, и звезды, и душа.
Земля уснувшим пассажиром
Сопит, и в этом хороша.
Сижу с арбузной спелой коркой,
Дышу, качели дышат в такт.
И босоногая девчонка
Рассвета выпускает флаг.

Осенний вальс

Маме

Листопад осенним вальсом
Постучал в твоё окно.
Не жалея о напрасном,
Выткал чудо-полотно
Позолоченным дорогам,
Мостовым лесного дня.
Написал улыбку Бога
На рябинах из огня.
В небеса отправил писем
Многоцветный хоровод.
Начертил узоры чисел
В переулках синих вод.
Дождевым аккордом рядом
Пробежался по душе.
И карминовым нарядом
Вылил свет на этаже.
Где-то в стенах отразился,
Чуть коснулся твоих глаз.
В тени сумерек влюбился,
Но совсем не напоказ.
Листопад осенним вальсом
Прошептал: «Я остаюсь».
Все, что было, не напрасно.
В твоём сердце летний блюз.

По городу М.

По дорогам Гертнера и Нагаева
Пробежать вдоль берега моря и,
Приручая чаек (такие правила),
Написать для города «сбереги».
У рябин верхушки кармином светятся.
Возле бухты мамонт времен стоит.
Воробьи на крышах сидят и греются –
Фараоны солнечных пирамид.
И щебечут, словно в карманы просятся.
Им бы нежности теплой да от души
Подарить, отсыпать. А тучи носятся
В небесах. Ах, как они хороши!
По дорогам Гертнера и Нагаева
Прошагать вдоль уличных фонарей.
Повстречать прохожего, вербу, ангела
И медведя, может быть, у аллеи.
Вечереет снова. Туманы-витязи
Расстелили белых палаток ряд.
Луноликий пес держит звезды на привязи,
А они мерцанием говорят
С побережьем, городом – правят правила.
Разговоров этих за век не счесть.
Пролети от Гертнера до Нагаева,
Посмотри на город, который есть.

Мое море, мой дом.
От Охотской волны до прилива,
Наступившего на каменистую площадь ногой.
Покрывается льдом
Или ветром играет, как гривой –
Для кого-то оно веха жизни и водопой.

Мое море, мой рай.
От соленых частиц до истока
Океанских вершин и чешуйчатых рыбьих хвостов.
Выживай и мечтай,
Как рыбешка в глубинах протока
Между всех якорей, китобоев и малых судов.

Мое море, мой ад.
От цунами до первого бриза,
Выходившего на голый пляж сухопутных людей.
И невзгоды, и лад,
Все случалось в просоленных ризах,
И морская вода зажигалась среди кораблей.

Мое море, мой дом.
От Охотской волны до прилива,
Говорящего о мирозданье у северных стен.
На его голубом
Полотне распускается диво,
И приходит покой для души и усталых колен.

Художник

Дождь художником тревоги
Разукрасил города.
В серой краске все дороги,
Магистрالی, поезда,
Переулки Магадана.
Петербургские мосты.
Растворяются в тумане
Пешеходные черты.
Только тишь, и капли света
На рябиновых листьях.
Скоро осень желтоцветом
Пробудится в небесах.
Дождь стучит, макая кисти
В золотистую фольгу.
Облака, себя очистив,
Замирают на бегу.
И молчат. В плену осеннем
Неспокойная земля.
Города, дороги, сени
И уснувшие поля...

Вереница

Небо плачет. Лес молчит.
Время – жнец, а люди – зерна.
Солнца огненный зенит
В сердце бьется звуком горна.
И тревожится опять
О колосьях жизни-поля.
Смех возможно изваять
Многоточиями горя.
Слезы, слезы. Русла рек
Разливаются по суше.
Умирает человек,
Если он зимой разрушен.
Безнадежность – зрелый плод.
Безвозвратность – время косит.
Словно шахматный поход –
Забирает и уносит
Всех с квадратов бытия.
Зерна – пешки. Люди – лица.
Поле жизни – вся земля,
Только камни вереницей...

Небесный поезд

Шумело море. Леса рыжий мех
В щенячьей ласке пробивался к небу.
И устремлялся слепо, жадно вверх
К его высотам, чувствам на потребу
Который раз и пеньем соловьев
Просил зари у быстрого Гермеса.
А поезд ехал и стучал свое
Стальное время по разбитым рельсам.
Все обнулялось, наполнялось вновь:
Живые волны, пряный запах ночи.
Цветные ребра радуг и покой
Дождливых капель, звуков, многоточий,
Враставших в жизнь симфонией любви
Под генеральством дирижера-века.
Шумело море. Рыжий лес поник,
Чтобы вернуться. Поезд к небу ехал.

Туман

Туман тоски впрыснули мне в глаза.
На день второй утихли мои крики.
Небесный ангел «Амен» приказал
Писать душе. По крыше базилики
Спускался плющ. Дышала синева
Прохладой лет, закрученных веревкой.
Зима опять морозы родила,
Неся в подоле снежного ребенка.
И было так безмолвно в тишине
Стоять у стен, сурово-непокорных.
Казалось, миг – и я очнусь во сне,
Но били в грудь тяжелые валторны.
Туман, туман. Как долго до зари?
Летал вопрос и плечи мои гладил.
На день второй мерещились огни...
Остался след на выжженной тетради.

Месяц смотрит острозубый,
Иней лилией на речке
Распустился. Елок срубы,
Как ступеньки на крылечке,
Косолапы, кособоки,
Пахнут старостью и негой.
А над ними мир широкий
Раскрывает свое небо.
И поет соловка в полночь
О тяжелой доле тундры.
Выходи из сердца, горечь,
Как осколок тела рудный!
Месяц смотрит острозубый,
На реке букет из лилий.
Я целую жизни губы,
А вокруг все иней, иней.

Немного о...

Городским мечтателям

Мы молчали и ждали кого-то
На сиреновой облачной крыше.
Города расплескались на фото,
Как барашки, летевшие выше
По тропинкам космической пыли,
Догоняя кометы и звезды.
Мы молчали и сумраком были,
Тем, который созвездием создан.
Нам мечталось о гранях и далях,
Где есть море семи одиночеств.
Оставались минуты до рая
И секунды от имени-отчеств.
Ветер гладил невинностью рока
Наши лица, и было безумство
Городничим, пришедшим с востока,
Протянувшим ключи от кощунства
Для забавы. Антенны дрожали
В ритме ночи, как будто гетеры.
Мы держали, в ладонях держали
Полушария дымчатой сферы
До рассвета. Из тихой печали
Создавались дороги на запад.
Мы скучали, скучали, скучали,
Замечая, что близится завтра.
И струились слова поднебесья
Между нами, как лунные роты.
В городах, деревеньках и всеях
Мы сидели и ждали кого-то.

Город любви

Все изменится, знаю точно.
Все исправится, mon ami*.
Нам подарят билет бессрочный
В дымный город простой любви.
Мы поедem с тобой в закаты,
Путешествуя между дел.
Мы не нищие, мы богаты,
Как Господь того повелел.
Сто дорог, сто путей и выбор
У распутий другого дня.
Может быть, это будет Выборг?
Или Страсбург? Люби меня!
На вокзалах толпятся люди
Под синдромом больных сует.
А я знаю, они не судьи,
И сжимаю в руке билет.
Улыбаюсь тебе, как прежде, –
Ты нахмурен, в заботах весь.
У ключицы печать надежды,
Нереальная чудо-смесь.
Поезда прибывают, слышишь?
Пульс грохочет под гимн колес.
Ты со мной в этом мире дышишь,
Где-то лает небесный пес.
Где-то горе и счастье ядом
Проливаются из огня.
Мы с тобой снова вместе, рядом.
Я прошу – обними меня!
Пусть несутся часы, столетья
У земельных планет-широт.
В дымном городе нет бессмертья,
Но есть веры нетленный плот.
И посевы из ярких «будем».
И гранаты «я тут, с тобой».

*Mon ami – мой друг (фр.).

Что нам люди? Ну что нам люди?
Мы с тобой пришли домой.
Пробираются беды в души,
Испытания из огня.
А ты слушай, ты сердце слушай.
Поцелуй, поцелуй меня!
Между стен, проводов и улиц,
Под березами, у реки
Мы когда-то с тобой столкнулись
Всем сомнениям вопреки.
И теперь я не знаю боли.
Или знаю – она сладка.
Мне не нужно другой неволи,
Если в пальцах твоя рука.
Как возможно? Что ждет, что брезжит?
Небеса не дают ответ.
Мое сердце надежда нежит
На какую-то пропасть лет.
Все изменится, вижу точно.
Все исправится, топ аті.
В этом городе (что бессрочный)
Ты люби меня. Ты люби.

Река жила, река дышала,
И мы с тобою, как река,
Питали землю. Жизнь порхала
На всех краях материка.
И собирались урожаи
В мешки голодные в четверг.
Года минуты уважали,
Им был знаком песочный бег.
Все разбегалось – сочetalось:
Изгибы придорожных рельс,
Надежды, вера и усталость,
Мягкосердечие небес.
Любовь. Она была началом
Для не улыбчивых дорог.
Поющим красным кардиналом,
Священной песней. Видел Бог
Сомненья наши в тех куплетах,
Они на днище рюкзака
Лежали тихим силуэтом,
А мы, мы были как река,
Что говорила и дышала,
Что разливалась по краям.
Кормила землю. Жизнь порхала,
Летала птицей по путям...

Сидим в лесу, глотаем ром.
О чем-то говорим.
А небо, как аэродром,
Поет руладу-гимн.
Костер танцует в темноте,
Ни дать ни взять маяк.
А на брусничном на листе
Впечатан жизни знак.
Горланим песни до зари.
Считаем крылья сов.
Нам звезды пишут о любви,
О вдохновенье слов.
И мы рисуем на земле
Пять заклинаний в ряд.
Луна теряется в траве,
Как пушечный снаряд.
Летят навстречу сто комет.
Вдыхаем кислород.
Ручьи из серебристых лент
Бегут наоборот.
И вертит время колесо –
Вертись, вертись, вертись!
На перекрестке Гончих Псов
Нас устремляя ввысь.
Поем до хрипа и молчим,
Свой слушаю компас.
Лес по-отечески ворчит
Понятное для нас.
И просто все как никогда.
Горит внутри огонь.
Читаем тайны до утра.
Горсть шикши на ладонь...

Сколько часов до счастья?
Сколько «люблю» до чуда?
Я говорю: останься
Ветром из ниоткуда.
Утром – вихрастым маем.
Ночью – хвостом дельфина.
Сердцем моим и краем
Цвета аквамарина.
Нежность проснется где-то
В мире дождя и снега.
Лето, коснувшись веток,
Вымолит рай для неба.
И улетит тревога
С первым небесным градом.
Трогай мне душу, трогай
И оставайся рядом.

Хрупкость

Так призрачно. Под холодность утра
Проснуться и застыть немым укором
У занавески тихого вчера,
Оно прошло, но наступало скоро.
Не помню, что таилось и влекло
Меня в рассвет. Чей голос или руки?
Безликий томик отдавал тепло
И распускался, как цветок упругий,
Внутри души. Остывшей и пустой.
Живой росток дарил несмелый запах.
Мир растворялся, словно постовой,
Лелея сердце откровеньем злата.
И было так знакомо на заре
Стоять у стен с горячей чашкой кофе.
Считая дни в своем календаре,
Любить весну в Москве и Петергофе.

Осень в яблоках на вокзале.
Сердце грустное на мели.
Мы однажды ему сказали,
Что нет вечности без любви.
Пальцы – нежные, ночи – крылья.
Души вымыты и тихи.
Ожидания, как мантилья,
Серебристая дань – стихи.
Все не сбудется – небо плачет.
Осень в яблоках – льется грусть.
Если сердце стучит иначе,
Значит я за тебя молюсь.

Разрыв

Смотрю на поезда.
– Ты уезжаешь?
– Да.
На север не хочу,
Я скоро улечу
От города и слов.
От песен и стихов
Уеду, не вернусь,
Все так случилось, пусть.
– Останутся пути.
– Меня там не найти.
– А что Москва? Арбат?
– Он мне не рад, не рад.
Смотрю на поезда...
– Все оборвалось?
– Да.

У боли имен тысяча.
У счастья – орда. Может,
Господь был во мне высечен,
Горячей звездой отжит.
Не слово, любовь-истина
Проклюнулась сквозь время.
И было мое выслано
По-новому на темя.
В моих рукавах золото,
И свечи, и тьма мира.
Мне хочется быть шепотом
Весеннего жасмина.

Мгновения

На пальцах мгновения догорят.
Развеется пеплом след.
И город забудет меня, и взгляд,
И то, что меня в нем нет.
Сплетется в объятиях сеть дорог.
Сомкнется пожатье рук.
Запомнится только печати смог
На улицах, добрый друг.
Ах память нелепая, птица Рух!
Смотрящая сквозь ручьи.
Как нам уберечься от тьмы разрух,
Мы, сердцем живые, чьи?
Костер разгорался и былью был.
Морошкой разил дымок.
На пепельных улицах он любил,
Мы пили его глоток.
Тоской наполнялся мой плед насквозь,
Я помню наш мир и нас.
Возьми винограда земного гроздь
И мне начертай атлас!
На пальцах мгновения. Май и свет:
Проулки, мосты, цветы.
Да, город забудет – меня в нем нет,
Но, может быть, вспомнишь ты...

Оставаться ли стоит во времени,
Отрицая рожденные дни,
Что уходит с огнями весенними
На пустынные губы земли?
Умирай, так с метелями звонкими.
Растворяйся под тяжестью лет.
Мир – осколки. Мы станем осколками,
И сломается веры скелет.
Мы простимся до встречи, до вечера
Голосами охрипших петель.
Грусть опустится снами на плечи нам,
Ночь заправит чужую постель.
Путь окончен и начат по-новому,
Как история правил и плах.
День склоняет покорную голову,
Он усталый опальный монарх.
Пусть уходит былое, отжитое
На пустынные губы земли.
Только ты оставайся под липами
И пролейся в ладони мои.

Безрассудно

Желтоглазый сентябрь появился извне
На земле, пропитавшейся пылью.
Я стоял, заковавшись в огне, как в броне,
И смотрел на листья эскадрилью.
Приходила печаль, отдыхала у лап.
Я с ней сердце-рябину баюкал.
Слезы капали. Сыро. Дожди, как этап,
Омывали. Туманы и звуки
Приглушенно лежали. Вокруг ни души.
Изломалось. Забылось. Истлело.
Я за летом бежал, спотыкался, спешил,
А оно для меня отгорело.
Мне мерещилось солнце, лесное, мое,
Загулявшее с филином ночи.
Желтоглазый смотрел, как разлука поет,
И листвой украшал мои очи,
Заметая пути. Время быстро прошло.
Я писал, свои слезы пакуя
В земляное «прости», я к тебе не дошел,
Но запомнил удар поцелуя.
А вокруг ни души, а вокруг ни-че-го...
Только ветер осеннего смеха.
Я стою на распутье. И слушаю гром,
Да дрожание рыжего меха
Омывает, как дождь. Я бежал, я бежал
По тропинкам. Сентябрь-Иуда
Мне дорогу закрыл. Я «прости» написал
С безрассудной надеждой на чудо.

Я стану морем, обычным морем
Однажды возле высоких скал.
И буду нежить тебя прибоем,
Как мудрый Будда нам завещал.
И будет небо для нас порукой,
А ночь – свидетелем и отцом.
Я поцелую приливом руки,
Ты опрокинешь в меня лицо.
И рассмеешься о солнца брызги,
Утопишь ступни в ковер-песок.
А я, немея от этой жизни,
Волнами выстелю веры сок.
И потемнею, горячим эхом
Смывая берег, причал и порт.
И это будет для нас утехой –
Играй на теле моем, аккорд.
Ныряй до сини кораллов смело,
Не бойся выпить морскую глубь.
Мир обнажается под прицелом,
Нам открывает Вселенной суть.
Я стану морем, обычным морем.
Все рыбы будут меня любить.
Напишут люди: «Оно такое,
Что невозможно его забыть».
Художник тонкой пушистой кистью
На холст положит мой силуэт.
Поэт опишет улыбку лисью
И как я часто меняю цвет.
Земные дети придут ватагой
И будут камни в меня бросать.
Я опьяню их, как будто брагой,
И не устану всегда прощать.
Пройдут все годы и горя тени,
Замрут ли века когда часы.
Я буду влагой из сновидений
У скал, у берега, у косы.

А дни, врываясь под вены, кожу,
Подарят миру тома измен.
Я стану морем, на свет похожим,
И отыщу в себе время Дзен.
Я стану морем, обычным морем,
Разрушу рамки твоих границ.
Отрину гордое, напускное,
Свобода вырастит крылья птиц.
Шторма утихнут, и штиль проснется,
Но буря будет во мне жива.
И между нами взорвется солнце,
И мы увидим его до дна.
И будет небо для нас порукой,
А ночь – свидетелем и отцом.
Я поцелую с любовью руки,
Ты опрокинешь в меня лицо.

На всех вокзалах цветет акация,
Неотделимая от весны.
Твой город часто играет в акции,
А я пишу ему письма-сны
О переменах, больших и маленьких,
Ведущих сердце к Голгофе лет.
Печалей тропы, как будто яблоньки,
Растут на отмели. Их скелет
Так изувечен. У рек и пристани,
У побережья морских ветров
Все изменяется ритмом выстрела,
А люди плачутся: «Неулов».
Пишу им сказки – мечи и рыцари.
Сто рикошетов, балы, апрель.
Да только помнится, инквизиция
Была честнее, ведя на мель.
Зачем же это – рассказы, очерки?
Десерты прошлого на губах.
Скажи, хороший мой, наши почерки
Неразделимы на берегах?
У океанов. Найти бы многое.
Распутать узел холодных «жди».
Мир не дотронется. Он не трогает,
А посылает опять дожди
В любовь, которая уголь дышащий
На всех вокзалах, дорогах рек.
Я так люблю тебя, город выцветший,
Я так люблю тебя, человек.

Созидание

Я родился мальцом. Без устали
Создавал мир вокруг себя.
Что-то годы о боль расплюснули.
Что-то выиграл. Помню я
Дом и поле, очаг и полосы.
Пядь земли у простых ворот.
Свои желтые пряди. Волосы.
И счастливый от смеха рот.
Я стремился, я мчался. Шурился
В небо синее, ветром был.
День на шалости будто хмурился.
Солнце грело. Я жизнь открыл.
Удавалось по ней мне многое –
Я сквозь сотни путей прошел.
Сердце ястреба мое гордое
Надломилось, но я шел. Шел
На границы к далекой пристани.
Верил в чудо, иначе как?
И глазами встречался пристально.
Находил и терял, все так.
Жизнь учила меня неласково.
Обнимала, швыряла в шторм.
Было горько и было сладостно,
Было много различных форм.
Я покоя искал и нежности
По морям, океанам лет.
И на берегу неизбежности
Подарила земля ответ.
И судьба, вот чертовка хитрая!
Бог ей в помощь – открыла дверь:
Дом и сад, и калитка, крытая
Белой розой. Теперь, теперь
Я пришел, и душа распахнута.
Для любви есть тепла сундук.
На доске стоят жизни шахматы,
В дверь доносится счастья стук.

Поветрие века,
Найти человека,
Найти человека
И не потерять.
Он просто уехал,
Куда-то уехал,
От мира уехал,
Его не обнять.
Быть может, в ущелье
Он прячется в щели,
Он прячется в щели
Клыкастых камней?
И пьет день из блюдца
И хочет проснуться,
И хочет проснуться
И вспомнить «я чей?»
А может, он в море,
Скрываясь от горя,
Скрываясь от горя,
Рыбачит в тайфун?
Там рыбы-гиганты,
Они – арестанты.
Они – арестанты.
А главный – Нептун.
Возможно, он ночью
Сжигает, что хочет,
Сжигает, что хочет
На лунной тропе?
И прячет секреты
В лесные береты,
В лесные береты
Назло суете.
Быть может, он в небе
Летает, как лебедь.
Летает, как лебедь,
Не зная про дом?

Мне хочется плакать
И спрятать, все спрятать,
От грустного спрятать
Его медальон
В шатре обещаний,
И встреч, не прощаний.
И встреч, не прощаний
Найти туюсок.
Пусть голос разлажен,
Он важен, он важен,
Он верностью важен
И не одинок.
Поветрие века,
Найти человека.
Найти человека
И не потерять.
Он просто уехал,
Куда-то уехал,
От мира уехал,
Его бы обнять...

Незнакомый трамвай

Кем я буду, если оставлю свой дом?
Свой порог и семью? Теплый плед, черный чай?
Кто согреет его? Он покроется льдом,
А меня унесет незнакомый трамвай.
Или поезд, скрипя, увезет мой остов,
По вагону разлив аромат чабреца.
Я покину себя, свой единственный кров,
Дом посмотрит вослед, ожидая конца.
Знаки неба прочтя, он освоит покой
И замкнет пустоту между ржавых петель.
Безнадежный, забытый, навеки немой,
Ах, как много ему принесу я потерь!
Напоследок меня он захочет спасти:
Потеряет ключи, окна-двери запрет.
В лабиринте души зарыдает: «Прости!
Мое сердце с тобой, без тебя не живет!»
Кем я буду, когда потеряю свой дом?
Он умрет в тишине, не надеясь на рай.
Я остаться хочу, но дышу вновь с трудом
И вдали слышу стук – незнакомый трамвай...

Ветер Будды

Я с тобой буду ветром Будды
Шелестеть, говорить красиво.
Грея чайник назло простуде,
Улыбнется полночный Шива.

И Христос (человек от Бога)
Мне продаст рафинад в киоске.
Закольцован огнями город,
Словно кукла в пчелином воске.

Мне спокойно. На автотрассе
Шепот шин оставляет знаки.
Свод законов пути негласен,
Мы частицы своих галактик

Среди мира (больного сплином).
Суетой, позвоночным ядом,
Я с тобой говорю красиво,
И я рядом, как небо, рядом.

Шестеренки качает Хронос,
Отмеряя минуты века.
У гитары я слышу голос,
Он рождается человеком.

И летит, как дыханье Будды,
В человечье, живое сердце.
Я с тобой непременно буду
Этой музыкой, этим герцем...

Бывает, счастье – это дом.
И самолет махнул крылом.
И ты босой идешь к реке,
Готов рыбачить налегке.
Поешь, веснушек целый нос.
Трава по пояс, ты подросток
До двухметровой высоты.
В воде плескаются хвосты,
И синева звенит кругом.
Бывает, счастье – это дом.
Бывает, счастье – это мать.
Ей можно душу всю отдать.
Она от малых ногтей
Тебя растила. До основ.
И вытирала грязный рот.
Давала в школу бутерброд.
Ты прикивал к ее плечам
И говорил: «Ну полно, мам,
Ты не грусти, не надо грусть.
Мы все сумеем, я вернусь».
И слезы не умел скрывать,
Бывает, счастье – это мать.
Бывает, счастье – это мир.
Ты в нем военный командир.
Летишь, стараешься, живешь
И часто воду смерти пьешь,
Смеешься, падаешь на грунт.
Ты сам себе и враг, и друг.
Цветы, рассветы, маяки,
Объятия женственной руки.
Все непростое. Ты не прост.
Веснушек полон взрослый нос.
Жизнь познаешь, ты командир,
Бывает, счастье – это мир.

Немного о...

Бывает, счастье – это дом.
И самолет махнул крылом.
И ты босой бежишь к реке
С душою чистой налегке...

Письма

Фонари теряются в тумане.
Снег ложится белой бахромой
На дороги. Я держу в кармане
Пару писем, что ведут домой.
Я дышу и верой наполняюсь.
Словно шар взлетаю. Я лечу.
В поднебесье чайкой устремляюсь,
И живу мелодией из чувств.
Все горит, и кажется, до лета
Не дожить мне и не дотерпеть.
Открываю таинство конверта.
Улыбаясь, начинаю петь
Про себя, и эта чудо-песня
Опьяняет крепче, чем вино.
Лейся, звук из сердца. Лейся, лейся!
И люби всю землю заодно!
Фонари потеряны в метели.
Я держу в кармане пару строк.
И живу, они меня согрели,
Эти письма – я не одинок.

Дай любви мне на сдачу в киоске.
Напечатанной совести дай.
Прикурить от твоей папироски
И акафист пропеть прямо в рай
Я хочу сумасшедшему Богу.
Или черту. Суди – не суди.
Жизнь хромает на левую ногу,
И скребется занозой в груди.
Тошно все, понимаешь, бродяга?
Вместо чувств натыкаюсь на нож.
Я сбывался в таких передрягах,
Видел столько засаленных рож,
Полных тьмы. Черт белее и чище.
До Эдема поймать бы такси.
Вся земля под пятой пепелища,
А слова – дорогой керосин
В этот век. Ну, закурим на славу?
Трансформируем мольбы и стыд?
На меня Бог объявит облаву:
Мол, нечесан, не верит, небрит.
Дай любви мне на сдачу в киоске.
Напечатанной совести дай.
Огонек у моей папироски.
Это ад или, может быть, рай.

Небосвод несвобод,
Небоскреб, этажи.
Открываешь свой рот,
Словно рыба, а жизнь
Крутит-верит тобой:
СМИ, религия, грязь.
Все смешалось, герой,
В этой гонке, гноясь,
Тонет город и мир.
У метро тоже топь.
Нагуляешь не жир,
А костлявую плоть
В этой схватке с собой.
Что до судорог ног.
Время мчится стрелой,
Ты за ним, на порог,
Задыхаясь, взбежишь,
Как на суше карась.
Небосводная жизнь,
Несвободная связь
Со «свободой». Туше!
Ты сидишь на крючке.
Говоришь о душе,
Но в рыбацком сачке.

Хризантемам порой не хватает воды ручья.
А морским берегам – босоногих песчаных дюн.
В этой битве за душу выходит опять ничья,
Невозможно создать из взаимности тут ноктюрн.
Тишина окружает величием своих лап.
И понять бы, зачем? Но потерян ответ давно.
Человек человеку история, сущность ламп,
Черно-белое кредо, истина и вино.
Мир пропал от пропащих – правдивости грубый факт.
Отбелить невозможно прогнившую эту нить.
Все касаются комы, сражаются за инфаркт,
Единицы умеют верить и смех любить.
Жизнь не мерит мерилом из чести, добра и зла.
Ей нейтральны такие, другие, чужие, все.
На планете безликих так хочется грамм тепла
И немного мечты на разобранной полосе.
Хризантемам порой не хватает воды – цветы
Засыхают без влаги. Так важен земной ручей.
Человек человеку – благо, провал, кресты,
И судьба, и разлука. И связка замков-ключей.

Немного о...

Разве нужно по сути много
В этом веке незримых лет?
Просто город, аул, дорога,
На двоих золотой рассвет.
Двадцать пальцев и счастья гаммы,
В окнах шторы, в квартире рай.
По-семейному телеграммы –
Их с улыбкою прочитай.
И друзей, и семью, и руки,
Всех любимых по жизни. Всех.
Километры обычной скуки,
В понедельник знакомый смех.
Семь объятий, десяток взглядов.
Сотни две необычных тайн.
Поцелуи, молчанье рядом.
В небе крылья воздушных стай.
На катке неудача танца.
И неловкость от слов «люблю».
В летний полдень привет румянца,
Зимней ночью ворчанье «сплю».
Дождевые на куртках капли.
Пять снежинок в перчатках. Зной.
Межсезонье. На даче грабли.
Сумка веры у мостовой.
Вечера с книжным томом, верба.
За окном предвесенний блюз.

И сомнения из гипербол,
В ссорах минус и верный плюс.
Невозможность, возможность сказки.
Чудеса в решете души.
И платок на плечо рязанский,
И российская ширь тиши.
У предсердия нежность света.
Безупречность и мудрость тьмы.
Восемь сотен любви поэта.
И родное до боли «мы».
Шаловливость лесного моря.
Океанская синь цветов.
И разлука ветров, прибоя...
Ты прожить эту жизнь готов?
Потерять, обрести, поверить?
Просто быть в неучтенном дне?
Открывать не отмычкой двери,
Но ключами на глубине.
Нужно много, по сути, мало
В этом веке. Чтоб ты мечтал.
И всегда на краю причала
Тебя кто-то с улыбкой ждал.

Есть люди, с которыми ты един.
Как нитка с иглой, как выдох-вдох.
Рождается что-то внутри глубин
И рвется наружу среди эпох.
Глаза, цвет волос, рост не важен тут.
Ты можешь не видеть его, не знать.
Но только побеги весны растут
В душе, и спускается благодать.
И чем обусловлена эта связь?
Когда незнакомый роднее тех,
Кто рядом? Разгадывать их, стремясь,
Себя понимаешь на стыке вех.
Есть люди, с которыми ты един.
Они твое «я», радость и печаль.
Рождается что-то внутри глубин...
Они бесконечность. И твой причал.

По привычке

По привычке играем в роли,
Ищем пунктики и клише.
Мы гастроли в своей юдоли,
Снова праздники и фуршет.
Снова лица, этюды лести.
Крохоборство, занозы, месть.
Пишем «амен», читаем «Вести»
В этом мире порочных мест.
По привычке рутина, «ящик».
Новостное информбюро.
Помнишь, екало сердце слаще,
Если делали мы добро?
Если пели смешно, задорно
Среди уличной суеты.
Мчится время от нас, бесспорно,
И сжигаются все мосты.
По привычке забились в норы,
Каждый сам себе брат и волк.
Забываем любить просторы,
Что не сутки, то кривотолк.
И тошнит от ролей и фальши,
От пунктиров и всех клише.
Пьешь разруху, как грог пропахший,
Ищешь счастье в чужой душе
По привычке. Находишь, прячешь
От жестокости мировой.
А на улице снежный мальчик
Вдруг на небо летит звездой.

Свет пролился по этажам,
Расплескался, как легкий май.
По деревьям и по дворам
Разлетелись обрывки стай.
Птичьих стай голубиный шелк,
С мягкой проседью нежных крыл.
Дождь вчерашний в лета ушел,
Лишь росой цветы покрыл.
И газоны, и тротуар
Зеленеют, как та межа,
Где когда-то гулял ты мал,
В своем сердце мечту держа.
Ты же помнишь, что был там дом.
Палисада вишневый вкус.
За дубовым большим столом
Разговоры и сладость уст.
А ночами, вот верь не верь!
Бархатисто смеялся плес.
До рассвета кружился хмель
У предсердия, до небес.
И казалось – ты вечно юн.
И казалось, что навсегда.
В белых пляжах песчаных дюн
Увязали любви суда.
Парусина была чиста,
Как и помыслы, и слова.
Якоря (сосчитай до ста),
Были крепки, как тетива.
А душа, словно ясень-маг,
Трепетала по ветру, вмиг
Друг и недруг, любой твой шаг
Зажигал маяки-огни.

По развилкам-путям ты шел,
Не сгибаясь под грузом лет.
Горем, счастьем был оглушен,
На вопросы искал ответ.
Находил и терял, терял.
Ошибался, но вопреки
Точно знал, бесконечно знал,
Что есть дом у родной реки.
На меже, где трава растет,
Полусонно шмели жужжат.
Где свирель у излучин ждет
Твои руки, а палисад,
Чуть вздыхая от белых слез,
Аромат наливает в чай.
И как будто бы не всерьез
Пишет ласково: «Не скучай».
Свет разбросан по этажам,
Как роса из прозрачных бус.
Ты прошел жизнь, все помня, сам.
В сердце дом и вишневый вкус.

Телограмма*

Шлю тебе телограмму о семантике чувств.
В ней нет истерик, борьбы и безумств.
Только тепло, воск небесной свечи
Тихо трещит. Как слова горячи.
Мой межпланетный. Космический мой.
Я обнимаю тебя тишиной
Нашей галактики. От эха комет
Слышишь, привет? Ты услышишь «Привет».
Шлю тебе точки, тире и дефис.
Лунных крючков самодельный круиз.
Строчки-гиганты, и строчки-цейтнот.
Белого пуха древесный бойкот.
Солнце готово и Млечный готов,
Звездные ласточки дразнят котов,
И на пшеничном круги – это знак.
Мне не хватает тебя. Твой пиджак.
Шлю тебе вести о наших, своих.
Каждый от знойного лета притих.
Ну а зимой – зубы дробью стучат,
Сторож поймал стаю малых волчат
И приручил их. А может, они
Дали ему рой мохнатой любви?
Мне неизвестно. Он ест с ними суп,
Те тараканов на кухне грызут.

*Телограмма – теплая, живая телеграмма, имеющая свое «тело», каркас из теплых слов. Знаю, что этого слова не существует, я банальную «телограмму» так решила обыграть. Своего рода окказионализм.

Войны случаются – мир не дурак.
Пятится задом как вареный рак.
Вправо и влево качается, бьет.
Аттракцион всех когда-то убьет.
Пусто и сыто бывает, пойми.
Я так скучаю. Одна. Меж людьми.
И в телескопе смотрю на «Союз» –
Я так боюсь. За тебя я боюсь.
Ты возвращайся, мой свет-космонавт.
Черные дыры пройди наугад.
К нашей Земле, вдоль по Млечному, вдоль.
Ждет тебя город и наша Любовь.
Шлю тебе телеграмму о семантике чувств.
В ней нет истерик, борьбы и безумств.
Мой межпланетный. Космический мой.
Ты прилетай. Возвращайся домой.

Переживи гнетущее молчанье
Среди снегов. Я помню, кедр сны
Стремилась вверх, на крышу мироздания,
Цепляя вдохом краешек звезды.
Огонь горел, оранжевые флаги
Внутри груди тепло дарили нам.
Луна была наверху отваги,
А ночь крылом, из антрацита храм
Прожитых лет. Ты помнишь это небо?
Те километры и лесной массив?
Все замело, покрыло белым снегом,
Но уголек мерцает что есть сил...

Узел

Когда душа устанет от дорог,
Пунктир судьбы совется в чертов узел,
И будний день вдруг станет сердцу грузен,
Приди ко мне, в мой город, на порог,
Который так приветлив и хорош.
Для разговоров есть у нас минуты.
Вокруг века, в сомнения обуты,
А каждый миг безумием пригож.
Как будто Петр, Петрушка, малый шут.
Ему ли мы кричим шальное «браво»?
За годом год исправно и упрямо
Себя клеймим и назначаем кнут.
Не пряник, нет. Пословицы итог
Бытует в нас. Но мы живем не в ТюЗе.
Ты приходи в мой город, на порог,
Когда судьба завьется в чертов узел.

Дитяtko

Белой бездны много ли во мне?
Черной сути, жадно-говорливой?
Колыбель рисую на стене
Для ребенка. Так необъяснимо
Мир велик и узок. Я боюсь
За него. За маленькую душу.
Как травинка, нежностью делюсь,
Отгоняя сырости кликушу.
Всей земли не хватит для любви.
Всех минут, холодных и горячих.
Колыбель, от бед его храни
Тихоходных, громких и бродячих.

Детство

Мне ли тебя очеловечивать,
Счастье, мгновенностью вечное?
Мамины ласки, папины «доча»,
Блинчики бабушки и позвоночник
Черной шелковицы на перекрестке.
Платья-подсолнухи, бабочек в горстке.
Песни до неба, спелый малинник.
Семечки, вишня, качели, полыни
Запах незрелый. И розы на клумбе.
Море ромашек на лаковой тумбе.
Хохот и слезы, футбол и рыбалка.
Как остывала на кухне заварка,
Если бежалось к цыплятам и кошке,
Елся крыжовник в плетеном лукошке,
И говорилось о глупостях жадно.
Было чудесно, обычно, отрадно.
Мне ли тебя очеловечивать,
Детство мое, незабытое-вечное?

Суть

Суть истории в чем: просыпаешься и живешь.
Залезаешь в вагон, копишь деньги в своей копилке.
И остывший кисель в палисаднике смело пьешь,
Пишешь письма мечте, закрывая слова в бутылке.
И бежишь на холмы, и влюбляешься в иван-чай.
И встречаешь дожди босоногим, задорным детством.
Вся печаль ненадолго, тебе не нужна печаль!
Кот-мурлыка сидит на заборе, что по соседству.
И летишь, и поешь, и врываешься в города,
Невесомый простор собирая в лукошко-осень.
Суть истории в чем: убегают вперед года,
Но пока что кисель и чудесная цифра восемь...

Невинность

Невинность ребенка: качели, калачик,
Играющий с ветром летающий мячик.
Игрушки и монстры под спящей кроватью,
Пушистый котенок, царапки по платью.
От мамы печенье, от папы ватрушка.
От бабушки нежность, щекотка за ушком.
От дедушки строгость, орехи в ладошку,
Игра в догонялки и в бой понарошку.
Невинность ребенка: смешки и занозы.
Сосульки-конфеты в чудные морозы.
И рваные джинсы, и мокрые кеды,
От мамы задачки, от папы беседы.
От бабушки ласка и стрижка в субботу.
От деда рыбалка и клич на охоту.
Сто раз синяки и падения, слезы.
На велосипеде, с горы, прямо в розы...
Смешное, смешное, забытое детство,
А что же теперь тут живет по-соседству?
Угрозы, доносы, вмешательство в семьи,
И сколько же каши сготовили-съели?
Любовь из планшетов, а нежность за евро.
Нельзя воспитать, отберут несомненно.
От мамы испуг, а от папы покорность.
Невинность ребенка законная подлость.
От бабушки слезы, а дед – он в больнице.
И сколько же это мучение длится?
Забота о детях, вмешательством «лечат».
За что ювенальная детство калечит?

Гость

Мне кажется, снег – бородатый наемник,
Пришедший с планеты Морозный-1.
Живет по соседству. И любит субботник,
Полгода гостит, сам себе господин.
Мы с ним отмечаем пургу в воскресенье.
Январские ветры ему нипочем.
На кухне его угощаю вареньем,
А он мне узоры – на окнах почит.
Смеемся, хохочем, болтаем о зайцах,
Сменивших шубейку на зимний наряд.
И как украшает он лица румянцем –
Они наливными плодами горят.
Как жмут воробышки холодные лапки
Среди снегопада в ночную метель.
А люди скупают из меха перчатки
И ждут по-весеннему теплую трель.
Все просто и честно: со снегом соседи
До таянья мира. Наступит пора –
Он в отпуск с апрелем сорвется, уедет,
Пока же на кухне пьем чай до утра.

Большое лето, как пчелиный рай.
Я вижу неба синие заливы,
Корзинки яблок, ароматы сливы
И оголтелый сдобой каравай
В беседке нашей, тихой и простой.
Которой нет на карточном реестре.
Стоит она в каком-то чудо-месте,
Где пьется сердца ласковый настой.
И время ждет, и тикает слегка,
Смеешься ты по-майскому задорно
Арбузным дням, упорно и бездонно,
И обнимаешь мысли-облака.
Как много в ней: и радостей, и зла.
Тенистых лап и солнечных распутий.
Мой верный друг, знакомый лету путник,
Я вижу свет. Ты видишь купола
Моих небес, собравшихся из сот
Пчелиных лет на площади планеты?
В беседке нашей мы в себя одеты,
И будет так, никак наоборот.

Ты сегодня ищешь ветер
В двадцать тридцать пять ноль две
На скалистом табурете
И мерцающей траве.
Смотришь в небо золотое,
Как легенды говорят:
Время бродит молодое,
Непростое, неживое
Восемь сотен лет подряд.
Клевер мягко гладит руки,
И журчит вдали ручей.
Ветер прячется от скуки.
Шепчут сосны: «Ты ничей».
Птичий гомон бьется в разум.
Ноги вязнут в тишине.
Ловишь тьму – рюкзак завязан,
Ты доволен всем вполне.
Окна леса высь венчают,
Стены древние во мху.
Мысли небыль повстречают,
На запястьях величают,
Быль, как прежде, на слуху.
Устаешь, а ветер где-то
Пляшет джангу или твист.
Колдовством пропахло лето,
Сердце рвется, как батист.
Нет, не врут легенды мая –
Время бродит между тел.
Разбивая их, стирая,
Как с доски белесый мел.
Впереди морские глади,
Глаз любимых огоньки.

Немного о...

Твои руки горе гладит,
Веры проблески легки.
Ищешь ветер по привычке
В двадцать сорок пять ноль три.
Голос рядом, на табличке
Надпись: «Внутрь посмотри».
Смотришь в небо, в сердце, в душу.
И находишь, и живешь.
Время-ветер равнодушен,
Но ты смел и путь пройдешь.

Бабушка, бабушка, а он куда летит?
Голубь-гуляка, в небо зачем ему?
Тянет за руки, ясно в лицо глядит,
Видно, что по сердцу, небо ей по уму.
Бабушка, бабушка, улицы видят сны?
Ночью все звездочки прячутся под кровать?
Смотрит так ласково, мысли мечтой полны.
Ночью косички надо ли расплетать?
Бабушка, бабушка, блинчики на плите
В нашей деревне сделаны с волшебством?
Я собирала ягоды на кусте,
Будет варенье вкусное перед сном?
Бабушка, бабушка, мне уезжать пора.
Город зовет меня, нужно идти к нему.
В зеркале прячется/видится седина –
Внученька, милая, холодно на ветру.
Бабушка, бабушка, время куда летит?
Сердце желает новое узнавать.
Смотрит так пристально, ясно в лицо глядит.
Внученька, внученька, надобно улетать.

Пес

Квартира стынет от холодов,
Нет отопления в этот век.
Среди колючих снегов и льдов
В плену проспекты и русла рек.
И света мало, стучится ночь
К тебе. В буране завоет пес...
Ему в морозы гулять невмочь,
Он, бедолага, совсем замерз
От всех жестоких. Отчасти рыж.
Глаза – что тайны от янтаря.
Он был оплатой – живой барыш
В печальном опыте января.
Теперь на улице он один.
Теперь на улице, вот он, факт.
Среди бурана и фар машин
Молчит, не просится. Снегопад
Идет безжалостно, каждый день.
В квартире холодно, не тепло.
Накинув куртку, срываешь дверь,
Выходишь в бурю, всему назло
Находишь лапы, глаза-янтарь.
И ожидающий ласки нос.
Нет отопления, но в январь
Тепло от друга: «Спасибо, пес...»

Город облачный. Непокорный.
Помесь золота в серебре.
Где-то прячется двор бездомный,
Что-то слышится в тишине.
Ходит прошлое... Шаг-оглядка.
В незабытое проводник.
Полночь – бабушка. Ты – дитяtko.
Новорожденный мира крик.
Город облачный – неба вышка
Гибко клонится в океан.
Зерна нового видит мышка,
Только ей ли ответ подán?
Не написано. Только ей ли?
Небоходы молчат о том.
Пахнет холодом зимней ели,
Пахнет холодом и теплом.
Чем-то искренним. Может, светом,
Воцерковленным на дозор?
Шепчет старое вьюжным ветром,
В чудо верится до сих пор.

Жемчужный снег

Мне было зябко. Шел жемчужный снег,
Первичный день скрывая под пологом.
Созрела ночь, в подъезде на ночлег
Остался кот, смотревшийся убого.
И жгло внутри от нежности земной
Мои глаза. Как будто по заказу,
Мир начинался – зимний и босой,
Среди метели обнимая разум.
Хотелось крикнуть сердцем из окна,
Что я есть жизнь, а жизнь – живое поле.
Дома стояли. Белые дома,
И бушевало ветренное море
Среди небес. И мерзли фонари.
Жемчужный снег их наряжал, как в латы.
Я улыбнулась, вышла. У двери
Подъездный кот протягивал мне лапы.

Петляет трасса, ветра негласно
На побережье рождают бриз.
В тайге туманы от жизни пьяны,
И где-то прячется в норах лис.
А время мчится, как та синица,
Что прикормил ты в своей руке.
На сопках снежно, а в сердце нежность,
И счастье видится вдалеке.
Среди прохлады горят лампы –
Огней семейных родная нить.
И все не вечно, но бесконечно,
Когда умеешь других любить.
Петляет трасса, ветра негласно
На побережье выводят знак.
И все так просто, тайга как озов...
Петляет трасса, и мчится байк.

К тебе

Внутри отчаянно все болит.
Дорога пылью времен дымит.
И что-то в сердце живет, гремит.
На монументе открытый вид
Такой, что слов... а не надо слов.
На божьем нересте сто голов,
Сто душ, потушенных теремов,
Да только хочется не улов,
А двор с частушками. Песни, пляс.
Когда на скатерти жив фаянс.
Когда от чая отметки клякс,
И ты, отшельник и лоботряс,
Плывешь по ветру на мыс Таран.
Вокруг приливы, вокруг туман.
И ты не мальчик, а капитан.
Ах, сколько было штормов и ран
В тебе забытом. В тебе, родной.
Восход над сопками золотой.
И сердце просится на постой,
Как будто солнце ведет домой
К тебе. Отчаянно все болит.
Я приезжаю – какой тут вид!
И альбатросом душа летит –
Звенит, отчаянно так звенит...

Содержание

Сквозь призму поэзии и прозы	3
О себе	5
Путь и шествие	7
«Стихи – поток...»	9
К мечте	10
«Рюкзак – заплечный малый...»	11
Безмилые	12
Компас	13
Станция «Весна»	14
«От разлуки до разлуки...»	16
«Я потеряюсь в городе...»	17
«И может вырастет что-то новое...»	18
Май	19
«Июнь наступал на пятки...»	20
«Ты на свалках двадцать первого...»	21
Перрон	22
«А все на деле довольно просто...»	23
Дом	24
Аэропорту Сокол	25
Птицы неба	26
«Приеду когда-то...»	27
Чудак-июнь	28
Измайловский Вернисаж	30
Миг надежды	31
«На Киевском вокзале...»	32
Храм	34
«Воды Финского сердце манят...»	35
Передел	36
Хабаровску	37
Дорожное	38
«За горизонтом трава и хвоя...»	39

На гребне Колымы	41
Плетение	43
«Город северный...»	44
Дороги Севера	45
«Я пью весну...»	46
«Алмазная дымка, и я словно льдинка...»	47
На гребне Колымы	48
Голые	50
Мой Магадан	51
«Проходим Рубикон. Ломаем постулаты...»	52
Ра	53
Дитя земли	54
Поиск себя	55
Драконий хвост	56
«Когда раздавали счастье...»	57
Колыбельная для города	58
«Разбегусь и выпрыгну на волю...»	59
А в облаке зима	60
Благодать	61
Качели	62
Рассвет	63
«С подснежниками в пальцах...»	64
Ласточка	66
В Магадане	67
Мне снилось небо	68
Вселенная	69
Счастье	70
На моих ладонях	71
«Говорили у реки...»	72
«Лето – любовь для сердца...»	73
«Высокие ели, высокие...»	74
Нить	75
Девочка-заря	76
Таежный август	77
«Гром бурчит и молний всполох...»	78
«Яблоко малиновой зари...»	79
Сентябрьское	80
Предрассветное	81
Осенний вальс	82
По городу М.	83

«Мое море, мой дом...»	84
Художник	85
Вереница	86
Небесный поезд	87
Туман	88
«Месяц смотри острозубый...»	89
Немного о...	91
Городским мечтателям	93
Город любви	94
«Река жила, река дышала...»	96
«Сидим в лесу, глотаем ром...»	97
«Сколько часов до счастья...»	98
Хрупкость	99
«Осень в яблоках на вокзале...»	100
Разрыв	101
«У боли имен тысяча...»	102
Мгновения	103
«Остаться ли стоит во времени...»	104
Безрассудно	105
«Я стану морем, обычным морем...»	106
«На всех вокзалах цветет акация...»	108
Созидание	109
«Поветрие века...»	110
Незнакомый трамвай	112
Ветер Будды	113
«Бывает, счастье – это дом...»	114
Письма	116
«Дай любви мне на сдачу в киоске...»	117
«Небосвод несвобод...»	118
«Хризантемам порой не хватает воды ручья...»	119
Немного о...	120
«Есть люди, с которыми ты един...»	122
По привычке	123
«Свет пролился по этажам...»	124
Телограмма	126
«Переживи гнетущее молчанье...»	128
Узел	129
Дитяtko	130

Детство	131
Суть	132
Невинность	133
Гость	134
«Большое лето как пчелиный рай...»	135
«Ты сегодня ищешь ветер...»	136
«Бабушка, бабушка, а он куда летит...»	138
Пес	139
«Город облачный. Непокорный...»	140
Жемчужный снег	141
«Петляет трасса, ветра негласно...»	142
К тебе	143

Литературно-художественное издание
Надежда Викторовна Бобко

Безмилие

Стихи

Литературный редактор:
Павел Жданов

Художник:
Анна Изергина

Оригинал-макет:
Андрей Осипов

Верстка, корректура:
Алексей Гарипов

Подписано в печать 29.09.2018. Формат 140×220 мм.
Гарнитура PT Sans. Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Издательство «Охотник»
685000, г. Магадан, ул. Пролетарская, 11, офис 402.
Телефоны: +7 (4132) 63-18-15, 66-50-06,
эл. почта: охотник@online.magadan.su
info@hunterpress.ru
www.hunterpress.ru

Отпечатано в типографии «Любавич»
194044, г. Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9